

На лбу Рене Мендес выступили капельки пота. Она работала кистью слишком долго — как минимум несколько часов — и теперь мышцы правой руки горели огнем. Спина и плечи болели, ноги тоже, в животе ныло и урчало. Когда она ела в последний раз? Утром? Вчера? Она даже не помнила точно, какой сегодня день.

Рене стояла перед холстом, натянутым на деревянный подрамник, справа пристроилась маленькая скамеечка с россыпью кистей и тюбиков краски. Кусок старого плавника, служивший самодельной палитрой, был усеян пятнами краски, выжатой из тюбиков и частично перемешанной. Ее студия, какая-никакая, но студия, располагалась в углу родительского гаража. Отец выделил Рене это место, когда после окончания старшей школы она начала брать уроки рисования в общественном колледже Элдриджа. Места было немного: сделав шаг назад, Рене врезалась бы в мамину машину, вправо — ударилась бы локтем о стену, влево — толкнула бы ногой прислоненный к стене листодув. Од-

нако она была благодарна родителям за разрешение работать здесь: так не приходилось ездить в колледж и пользоваться такой же крохотной и захлавленной студенческой студией. В гараже она могла работать, когда заблагорассудится, хоть днем, хоть ночью, и ее никто не отвлекал. Родители с готовностью оставляли ее в покое, пока она писала. Да, заходя в гараж, они могли заглянуть ей через плечо, но никогда не пытались вовлечь в разговор, спросить, что она рисует и как продвигается работа. За это она была им очень благодарна.

Иногда мать беспокоилась за нее, особенно в последнее время. «Ты высыпaeшьcя? Ты выглядишь очень усталой и едва притронулась к ужину». Рене было девятнадцать, и, хотя тревоги матери ее раздражали, — Рене уже вышла из детского возраста — она также понимала, что мама заботится о ней. В глубине души она осознавала, что у матери имеются основания для беспокойства. Рене начала рисовать с того возраста, когда впервые смогла удержать в руке мелок, и с тех пор предпочитала это занятие всем прочим. Но последние несколько дней выдались особенно продуктивными: в ярком пламени вдохновения она выдавала один рисунок за другим. Она никогда раньше не испытывала ничего подобного. Рене будто бы захлестнуло волной художественного вдохновения, и теперь оставалось лишь полностью отдаться его воле. Ощущения были одновременно восхитительные и пугающие, но остановиться Рене не могла при всем желании. Она *должна была* продолжать рисовать.

Ее длинные темные волосы были собраны в хвост, чтобы не задевать ими холст. На ней была старая футболка и потрепанные джинсы сплошь в цветных кляксах. Во время работы Рене максимально приближалась к холсту, не из-за плохого зрения, а чтобы лучше сосредоточиться на деталях. Этот рисунок был почти закончен, осталось нанести лишь завершающие штрихи. Обычно Рене изображала объекты из реальной жизни: цветы, птиц, деревья, людей... Но с недавнего времени ее воображение занимали фантастические персонажи — мужчины и женщины со странной неестественной внешностью и удивительными способностями, словно сошедшие со страниц романов фэнтези или комиксов. Сейчас, например, она дорабатывала женщину с жестоким выражением лица, чьи волосы до талии, безупречная кожа и платье без рукавов в пол казались сделанными из серебристого металла. На правой ее руке был длинный металлический наруч с перчаткой, превращающей пальцы в подобие когтей. Чего-то, однако, недоставало, и Рене никак не могла сообразить, чего именно. А потом ее осенило. Обмакнув кисточку в белую и синюю краски, она парой быстрых мазков заставила глаза женщины искриться электрической энергией. То, что надо.

Опустив кисть, Рене отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой. Но в этот же момент краски начали блекнуть, и спустя несколько секунд нарисованная женщина исчезла, оставив после себя пустой холст.

Это могло бы показаться странным, но Рене не удивилась, ведь то же самое случилось с дюжиной

прошлых картин. Почему эта должна была повести себя по-другому? Вздохнув, Рене выбрала наугад очередной образ из десятков, что крутились в голове, — мужчину в белом лабораторном халате со странным предметом в руке — золотым жезлом, обвитым змеями, — и подняла кисть.

— В конце концов останется лишь *один*, — пробормотала она, принимаясь за новый рисунок.

* * *

— Поверить не могу.

Джефффри Рамзи шагал по тротуару в центре Коринфа, штат Иллинойс, в компании своего друга Джимми Рида. Ну, возможно, «друг» — слишком сильно сказано. Скорее, временный приятель. Джефффри был бездомным уже почти три года и считал, что проще ни к кому не привязываться. На улицах нужно первым делом заботиться о себе любимом, даже если эти улицы расположены в маленьком городке на Среднем Западе, а не в мегаполисе. Джефффри полагал, что во многом бездомному в маленьком городе приходится хуже. В крупном городе как минимум больше мест, где можно переночевать, не привлекая внимания копов, и найти подработку-другую, чтобы разжиться едой. В отличие от Коринфа. Все утро они с Джимми ходили от одного заведения к другому, но пока не нашли ни единого занятия. Никому не надо было выносить мусор, подметать полы и таскать тяжелые коробки. Обычно удавалось отыскать хоть *что-то*. Но не сегодня.

— Бывает и так иногда, — заметил Джимми.

В какой бы ситуации они ни оказались, Джимми никогда не унывал. Это его качество жутко раздражало Джеффри.

— Да ну? Если так и дальше пойдет, придется нам лечь спать с пустым брюхом.

Джимми пожал плечами.

— Не впервой.

Джеффри вздохнул.

— И не поспоришь.

Джеффри пытался вспомнить все места, где можно подработать. Шла вторая неделя декабря, и на земле уже лежал снег, но солнце оставалось теплым, небо безоблачным, а воздух безветренным. Джеффри, однако, знал, что вскоре погода ухудшится. Он был одет в тонкую коричневую куртку, натянутую поверх фланелевой рубашки и двух футболок. Главное для бездомного — многослойность одежды. Эта куртка не согреет в иллинойскую зиму, но пока ничего теплее у него не было. Его полукеды тоже были в бедственном состоянии. Джеффри чувствовал, как холодный воздух проникает в многочисленные дыры, а когда шел дождь, ноги неизменно промокали, сколько бы пар носков он ни надевал.

Гардероб Джимми был не лучше: синяя ветровка — тоньше, чем даже куртка Джеффри; джинсы с дырами на коленях да старые разбитые рабочие ботинки, которые он заклеивал скотчем столько раз, что в них почти не осталось исходного материала. Им обоим понадобится более теплая одежда — и довольно скоро, но с этим придется поременить. Сперва надо было поесть.

За исключением похожей одежды, они были полной противоположностью друг друга. Джеффри — темнокожий, Джимми — белый. Джеффри невысокий и коренастый, Джимми — высокий и тощий. Джеффри было за пятьдесят, и его борода порядком поседела, а Джимми было тридцать с лишним, он щеголял чахлой клочковатой бородкой и светлыми волосами до плеч. И, разумеется, Джеффри был склонен к пессимизму, а Джимми предпочитал обращать внимание на хорошее. Прямо сейчас настроение у Джеффри было точно неважное.

Центр Коринфа представлял собой нагромождение узких двух- и трехэтажных построек, возведенных в сороковые и пятидесятые из красного кирпича и серого камня. Годы шли, и с ними исчезали магазины и кафе, но сейчас здесь располагались кафетерии, рестораны, салоны антиквариата, секонд-хенды, модные художественные галереи, букинистические лавки и тому подобные места. Старая архитектура не должна была бы сочетаться с неформальной атмосферой торговых точек и общепита, но каким-то образом они дополняли друг друга. Владельцы малого бизнеса, которые с трудом удерживались в центре, обычно с сочувствием относились к бездомным, но в праздники уделяли больше внимания собственным нуждам. Джеффри не мог их винить. Если те не заработают хорошенько в это время года, то многим из них придется закрыть свои двери навсегда. А покупателям очень не нравится наткнуться на двух бездомных, шатающихся по округе в поисках пары баксов. Джеффри надеялся, что пройдет еще неделя или две, прежде чем они

станут нежеланными гостями в центре, но, судя по их сегодняшним успехам — точнее, отсутствию таковых, — кажется, праздничный сезон в Коринфе начался всерьез. Теперь, наверное, найти подработку получится только после Нового года.

«Мир на Земле и счастья всем»¹, — с горечью подумал Джеффри.

Полдень еще не наступил, но на улицах было достаточно машин, и почти все парковки были забиты. Пешеходы, однако, встречались нечасто. Жители Коринфа предпочитали добираться на автомобиле до интересующего их места, делать дела и возвращаться к машине. Им было не до разглядывания витрин.

Джеффри трудился у станка двадцать лет, но потом фабрика сократила всех рабочих и закрылась. Он получал пособие, пока искал работу, но как-то поздно вечером, когда они с Эллен возвращались из кино, автомобиль с пьяным водителем за рулем выскочил на перекресток и протаранил их машину с пассажирской стороны. Эллен погибла на месте. Джеффри повезло меньше. Его многочисленные травмы потребовали многочисленных же операций. В нем было столько спиц и штифтов, что металлодетектор в аэропорту, наверное, запищал бы на него уже метров с пятнадцати. С закрытием фабрики медицинская страховка перестала действовать, а все сбережения Джеффри ушли на похороны. Он не смог оплатить больничные счета с астрономиче-

¹ Строчка из рождественского гимна на стихи Генри Лонгфелло «Рождественские колокола».

скими суммами и потерял дом. Они с Эллиен не были женаты и не завели детей, а его немногие родственники жили в районе Чикаго. В общем, оставшись без крова, Джефффри попал на улицу и там и остался.

— Странно, а? — сказал Джимми.

Вопрос оторвал Джефффри от мрачных мыслей. Он повернулся к приятелю.

— Что?

— Украшения.

Джефффри огляделся. Сперва он не понял, о чем толкует Джимми. В центре все заведения украшали свои фасады на праздники — начиная готовиться к Рождеству задолго до Дня благодарения, — и этот год не стал исключением. На дверях висели венки, а в окнах красовались картонные фигурки снеговиков, Санты, Джека Фроста¹ и даже несколько дрейдлов². Но приглядевшись, Джефффри начал понимать, что имел в виду Джимми. Привычные украшения были в изобилии, да, но среди них виднелись и другие, странные и нетипичные. На витрине магазина «Музыкальный городок», что находился через улицу, с внутренней стороны был нарисован черный спиральный узор. Дверь ломбарда «Золотое дно», расположенного через пару зданий, украшала висевшая на ручке соломенная фигурка. По форме она напоминала человека, но у нее были две головы и четыре руки. А на их стороне улицы, совсем неда-

¹ Джек Фрост — персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму.

² Дрейдл — четырёхгранный волчок, с которым дети играют во время еврейского праздника Хануки.

леко, антикварная лавка «Сокровища и безделушки» выставила на тротуар деревянный знак с красной надписью. Вместо рекламы на доске значилось: «Да здравствует Арахнус!», причем под буквами были нарисованы тонкие нити паутины.

Джеффри нахмурился:

— Что за фигня?

— Не обращайтесь внимания на знаки ложных богов, — послышался сзади суровый голос.

Быстро повернувшись, Джеффри и Джимми увидели женщину. Джеффри не заметил, как она приблизилась, и сначала ему почудилось, что она появилась словно из ниоткуда. Мысль была безумной, но Джеффри не мог от нее избавиться. Женщина была серебряной с головы до пят: от платья до кожи. Возможно, она уличная актриса, которую наняли привлекать покупателей? Но на ее теле, кажется, не было ни грима, ни краски. Волосы напоминали искусно выкованные металлические нити, а глаза мерцали нездешним бело-голубым светом. Платье было сделано из какой-то помеси металла и ткани. Пока женщина стояла, оно казалось твердым, словно доспех, но стоило ей пошевелиться, и платье тоже пришло в движение, внезапно став мягким и податливым. Правую ее руку до середины предплечья закрывала длинная металлическая перчатка. Нет, не перчатка. Есть более подходящее слово. А, точно, наруч — он самый, наруч с перчаткой. Наруч был все того же серебристого цвета и начищенный до такой степени, что сиял на солнце. Пальцы перчатки заканчивались угрожающими когтями, от одного вида которых Джеффри пробрала дрожь. Он

представил себе, как эти когти полосуют плоть, как их острия режут кожу и мышцы — с той же легкостью, с какой нагретый нож входит в теплое масло. Его замутило от воображаемой картины, но в то же время он ощутил трепет при мысли о том, какой вред способна нанести эта перчатка.

«Да что со мной, черт возьми?» — подумал он.

Он не был склонен к насилию, в жизни никогда ни на кого руки не поднял. И все же он не мог отвести взгляд от наруча и смертоносной перчатки.

Отличительной чертой нетипичной внешности незнакомки был ее рост: он превышал два метра, и благодаря этому женщина, возвышаясь над Джимми минимум на полтора десятка сантиметров, выглядела властно. Кроме того, она излучала ауру силы, *могущества*. Джеффри чувствовал эти волны почти физически, и казалось, что воздух пронизывает тихое гудение, словно он стоит около только что запущенного мощного механизма.

— Я Адамантина, — представилась женщина холодно и равнодушно, с отголоском гулко-го эха, от которого у Джеффри встали дыбом волоски на затылке. — Я только что *воплотилась*.

Джеффри взглянул на Джимми, но тот лишь пожал плечами. Джеффри снова развернулся к Адамантине, не глядя ей в глаза: он просто не мог вынести сияющий в них свет. Он попытался заговорить, однако голос его не послушался. Сглотнув, он попробовал еще раз.

— Мы не понимаем, — сказал он приглушенно, едва ли не благоговейно, испытывая почти непре-

одолимый порыв опуститься на колени перед этой странной женщиной.

Он остался на ногах лишь усилением воли.

Адамантина не обратила на его слова никакого внимания. Она огляделась так, будто все окружающее ее видит впервые. Автомобили продолжали двигаться ровным потоком, и, хотя большая часть водителей были сосредоточены исключительно на том, чтобы добраться до места назначения, те, кто успевал заметить высокую серебряную женщину, таращились на нее с открытыми ртами, проезжая мимо.

— Скрамненько, — наконец проговорила Адамантина. — Однако, полагаю, сойдет. — Она взглянула на Джеффри и Джимми с улыбкой на серебряных губах. — Как вас зовут?

Поначалу оба молчали, но потом сперва Джимми, а потом Джеффри назвали свои имена.

Адамантина склонила голову, будто в официальном приветствии.

«Как будто она королева или кто-то в таком духе», — подумал Джеффри.

— Сегодня вы удостоились великой чести стать моими первыми служителями. Преклоните колени, примите меня в свои сердца, и я приведу вас к триумфу.

Пока Адамантина говорила, ее харизма, которая и без того была намного мощнее всего, что когда-либо влияло на Джеффри, стала еще ярче. Он ощутил, как сила, хлынувшая из нее, обволакивает его, зовет его, обещая, что он может стать частью чего-то большего, что ему не придется жить на улице